

Целью нашего анализа является выявление некоторых индивидуальных признаков военной прозы Арсена Титова на примере его последней книги – «Маленьких повестей о войне и мире» (2015).

Литературный талант Титова отмечен многими премиями, в том числе, и общероссийской национальной литературной премией «Ясная Поляна», при выборе победителей которой учитывается и «толстовский дух» произведений. Нас интересуют как раз проявления этого «толстовского духа» в новой книге писателя. Творчество Титова заслужило внимания в номинации «XXI век», так как свои исторические романы он писал в постсоветское время. Этот факт в то же время не позволяет современному исследователю оценить их с временной дистанции, поэтому и не проводится рассмотрение отдельных произведений Титова. Военная проза вообще трудно поддается анализу вследствие своей поэтической и тематической разнородности. Тот факт, что романы Титова не особо выделены критикой, объясняется и как провинциальной отдаленностью от центра и своеобразной идеологической позицией писателя, так и тем, что его проза не может быть переведена на многие языки из-за огромного количества военных терминов и сленга, употребленных в ней.

В своих книгах о Первой мировой войне писатель использовал много исследований помимо живого опыта двоюродного дяди своего отца, которого он сделал прообразом главного героя, Бориса Норина. А в «Маленьких повестях...» Титов восстанавливал как свои воспоминания, так и мемуары самих участников современных войн, чтобы как можно правдивее передать жизнь людей, характеры героев, быт войны. Таким образом, автор, по своему собственному признанию, в своем произведении ведет хронику действительно происшедших событий. Писатель при помощи манифестации в повествовании личного участия предлагает свой взгляд на войну, отличающийся от представляемого в прессе. Следует обратить внимание на полемику, разгоревшую в этой связи в русской литературной жизни. Она объясняется тем, что одни авторы были участниками боевых действий, а другие писали, опираясь на документальную, публицистическую литературу, либо на собственные наблюдения.

К тому же, современная военная проза имеет два направления: с одной стороны, это проза факта, «окопной» правды; с другой – это проза идеи, «рефлексивная» проза. Тенденция развития современной военной прозы обусловлена движением от малых жанровых форм к большим, от прозы факта – к рефлексивной прозе. Произведения Титова стоят на полпути между этими полюсами. Современная «окопная» проза близка к «лейтенантской» прозе, однако некоторые разграничения всё-таки следует сделать. Если для «лейтенантской» прозы натуралистическая образность служит демонстрации «подлинной цены героизма» сражения за счастливое будущее [Лейдерман, Липовецкий 2003: 167], то в современной антигероической прозе натурализм требуется для правды войны. В отличие от знаковых произведений т. н. «лейтенантской» прозы или военной литературы, переосмысливающей культивированные события и демифологизирующей войну (В. Гроссманн, В. Астафьев), у Титова намечается «окопная правда». Его произведение выражает преклонение перед мужеством рядовых солдат, защищавших интересы своего государства во время афганской, грузинской и первой чеченской кампании.⁸ Автор «Маленьких повестей...» превозносит общечеловеческую истину и общенациональную идеологию, о которой говорит русская литература, и в этом плане он также отказывается от постмодернистской литературы, отрицающей духовные мерилы. Писатель однако не несет открытую пропаганду, его «повести» не страдают подчеркнутым патриотическим или воспитательным дидактизмом, он вкладывает такие мысли в уста своих героев. Это они утверждают, что слабое государство рухнет без дееспособной армии, и высказывают разоблачительное слово в сторону зачинателей и управленцев войн. От последнего диалоги текста получают некую неестественную натянутость. В «повестях» трактуются и актуально-политические события как для объяснения военных операций, так и для обеспечения фона гражданской жизни. Однако писатель не выходит за пределы художественной литературы в журналистику и бытописательство [Беляков, 2003: 243], поскольку в его произведении можно найти признаки художественной прозы [Рудалев, 2006: 201], такие, как символика, мотивную структуру и т. д. . Художественность произведения проступает гораздо действеннее, чем идеологические обоснования или дидактические изложения о советском и постсоветском прошлом, которыми оно также кичит. В результате этого, Титову удается сказать нечто новое о войне [см. также Ремизова 2002: 189].

Со стилистической точки зрения, военную прозу Титова обычно относят к «новому реализму». Его произведения однозначно не плоды постмодернизма, они не обнажают какие-нибудь клише соцреализма, а отражают возвращение к реализму. Писатель сам открыто утверждает свою приверженность к классической литературе. Это проявляется в том числе и в том, что герои его «Маленьких повестей...» (солдаты или простолюдины), порой даже не мотивированно, демонстрируют свою начитанность, проецируют произведения А. Пушкина и И. Бунина или биографию поэтов (напр. Марины Цветаевой) на свою жизнь. Легко обнаруживается диалог текстов Титова и Льва Толстого, принадлежащих разным историко-литературным эпохам. В силу темы «Маленьких повестей...» Титова стоит обратиться и к кавказской фавеле в русской литературе [см. также Степанова, 2004].

В трилогии Титова о Первой мировой войне «Тень Бехистунга» имеется огромное количество активных персонажей, как и в романе-эпопее «Война и мир», и явно проступают параллели как с «Севастопольскими рассказами» Толстого, так и с романом-эпопеей М. Шолохова «Тихий Дон». В «Маленьких повестях...» писатель подчеркивает героизм, свойственный рядовым солдатам, и отрицает некомпетентность офицеров русской армии. В этом также наблюдается связь с произведениями великого классика, Толстого.

Стиль писателя не близок к прозе о локальных войнах Дениса Гуцко, Захара Прилепина или Александра Карасева [см. также Аристов, 2013]. Он и в этом берет за образец Толстого, следовательно, изображение войны у Титова не связано с современной натуралистической поэтикой. Кроме личностного характера историй «Маленьких повестей...», военный сказ, воссоздающий и разговорную речь, также служит присвоению описаниям правдивости. Природа реализма прозы Титова распространяется и на «толстовское» осмысление темы войны. В «Войне и мире» Толстой рассматривает события с исторической точки зрения, между тем у него жизнь отдельного героя связана с судьбой и жизнью всего народа. Большие исторические события повторяются в каждой семье. Само название «Маленьких повестей...» отсылает к антиномичной паре «Войны и мира» Толстого. Титов, вслед за Толстым, в своей книге передает также борьбу двух начал, с одной стороны, войны в смысле эгоизма, с другой – жизни как потребности добра. Толстой первым представил войну как событие испытания человека. Титов также показывает, как скромные солдаты влияют на исход исторических событий, и в то же время, как их не принимают в гражданской жизни. Личности и характеры его героев также формируются именно в этом процессе. Естественно, ни сцены военного быта, ни встречи женщин и мужчин однако не возведены на такой общечеловеческий уровень, как у Толстого.

Жанр, назначенный в заглавии «Маленьких повестей...», не совсем покрывает действительный жанр произведения. Главы книги Титова отнюдь не кратки, но и не повести, судя по их заглавиям (см. «Большой верблужий рассказ»). Целостность произведения придает то, что «повести» связаны друг с другом общей темой: представляется жизнь членов одного спецназа, «многопехотного» батальона. Писатель вмещает себя в своего героя, не только в виде рассказа от Е/1, но также когда повествователь приводится в Е/3: переживания и воспоминания героя и тогда передаются непосредственно. Такая позиция повествователя / рассказчика однако ведет читателя и в заблуждение, смывая различие между нарратором и автором. Автор стремится запечатлеть через единство точек зрения героя и нарратора как характерные моменты войны, так и определенные эпизоды гражданской жизни. Параллельно раскрытию политического или исторического смысла военных событий, обнажаются и мирские любовные баталии людей до- и послевоенного времени. Временную структуру «повестей» также можно разделить на два периода: события, представленные как воспоминания о военных действиях, и события, происходящие в мирное время, однако последнее также наполнено конфликтами и предвещает новые военные действия. Итак, Титов показывает и гражданскую жизнь под углом зрения военных операций. Рассказчик каждой главы перескакивает с одной темы на другую, с одной пло-

скости событий на другую, в зависимости от развития событий и от логики самого раскрывания. Таким образом прозаик использует особый способ письма. Это означает то, что автор, посредством осколочного, монтажного построения сюжета, фокусирующего на скрещении прошлого и настоящего, войны и гражданской жизни, стремится воссоздать ситуацию всегдашней войны и мира. Современному писателю важна параллелизация, т. е. монтажное переплетение войны с будничной жизнью.

Как и в «Войне и мире», у Титова военный человек со своими товарищами чувствует себя на войне как в миру, в том смысле, что их связывает братская любовь. Способность быть верным дружбе – выявляет моральные устои героев. Они не сломаны войнами: они настоящие потомки Жилина из «Кавказского пленника». Таким образом, без пушкинского и толстовского претекстов герои Титова не раскрываются. Родные, товарищи, знакомые солдата умирают, и он должен сохранить свою душу. Истребление людей на войне осуществляется у Титова без лишнего пафоса, боевой дух ценится и в гражданской жизни перед постоянной угрозой смерти. В этом отражается характерная для эпопеи Толстого «неразрывность на войне героического и трагического» [Бочаров 1978: 62]. Характер конфликта у Титова сдвигается с войны на отчуждение героя, пережившего боевой опыт, от гражданского общества. После дембеля возвращение в мирскую жизнь ставит героя в чрезвычайно трудное положение. В этом плане «Маленькие повести...» Титова восходят и к так называемой дембельской прозе, подобно произведению Ю. Полякова «Сто дней до приказа» (1987) [Володихин, 2007: 215].

В общей концепции «Маленьких повестей...» ужас войны сопоставляется с ужасом гражданской жизни. Положение человека в последней вступает в конфликт с нормальной человеческой логикой выживания на войне. Это – иная реальность, которую герой должен научиться понимать и усвоиться в ней. Герой-солдат воспринимает пустую гражданскую службу резко отличающейся от военной, которую он обязан выполнить. Война теперь не борьба со смертью, но борьба за нормальную жизнь. Наличие человека в пространстве города (офисы, рестораны, транспорт) требует его освоение таким же образом, как и боевого поля – «чужих» земель. В русской военной прозе чужие края обычно ассоциируются со смертью, а родные – с жизнью. У Титова их разделяет граница и соединяет поезд, перевозящий военных. Солдаты покоряют чужие пространства, а дома, в «своей» среде им еще предстоит научиться жить, или умереть, если законы мирской жизни не будут усвоены. Однако в гражданском быту герои с трудом устраиваются, скорее запутываются, не находят правильного русла.

Каждый герой «повестей» сталкивается с попытками выдержки человечности на войне и поисков опоры в мирной жизни посредством любви. Образы мужчин репрезентируют силу и воинственность. Мужчины-солдаты, храбро воюющие и выживающие на войне, однако обманываются ложной красотой женщин-гражданок и теряют под собой почву. Здесь нет соборного единения, герои лишены цели, так как предметы их единственного желания, женщины со своими мелкими любовными интересами, изменой отпадают от настоящего смысла мира. Герои все время сопоставляют жизнь на войне и в миру, и их восхищения вызывают поступки женщин, напоминающие воинскую доблесть (ср. Данута

и другие). К примеру. Начало книги отмечено сомнением («выйдет ли замуж?») чернявочка, однако под конец военной дух таких девушек делает их достойной брака.

Мотив войны однако не сопровождается с мотивом озверения, так как насилие и жестокость также присущи повседневной жизни, как войне. Правда, они выступают в более пристойной форме, поскольку исходят от женщин в отношении мужчин-военных. Следовательно, такого апокалипсиса – даже индивидуального –, как в других произведениях военной прозы, в «Маленьких повестях...» не имеется. Однако, в произведении Титова занимает важное место «измена», которая соотносится на войне с оставлением солдатом без оружия, а в миру – «женскими уловками». Храбрые воины не получают офицерского ранга из-за изменяющих жен и измен в кругу офицеров. Эти проступки выглядят, как «учения» чему-то очень важному: становлению героя из воина в мужчину. Через этот опыт должны пройти члены батальона. По этой причине и кажется, что у разных героев повторяются одни и те же истории.

Жены не образцовые праведницы, проходящие с мужем все испытания, и любовь к молодым девушкам не приводит к счастью. Представлены и женщины, поддерживающие батальон на войне (вторая «повесть»). В этой связи противопоставляются мотивы чистого женского начала (прекрасные девушки с сильным духом) и женской порочности (безобразные жены) через оппозицию верности и чуждости в жизни и на войне. Образы женщин могут быть символизированы соответствующе в виде «живой» и «мертвой» воды (река, море, питьевая вода), а также в образе «мудрой» или «смертоносной» змеи. Эмоциональное воздействие на героя и оценка окружающих совпадает с этим разграничением. Вера необходима мужчине, воюющему на чужой земле, точно так же, как и верная жена, ожидающая его дома. С этой точки зрения самая характерная «повесть» – третья. От героя-рассказчика ушла жена. Он посещает дом товарища, который умер дома, а не на войне, и которому тоже изменила жена. Герой сблизается с молодой женой сына товарища, Данутой, однако их любви не сбыться, так как начинается новая война. В первой части четвертой «повести» книги библейские аллюзии не помогают герою устранить боль от измены. Он ищет новой любви (распад слов: «моя любимая») и реализацию любовных литературных сюжетов (см. «ночь морем была», или «Пушкин – Пли!»). Желание любви сопоставляется с ритмом военного марширования во второй же части «повести».

Взаимодействие концептов «мужчина» и «женщина» актуализируется также в мотиве семьи, однако наиболее четкие мотивы материнства появляются только в первой и последней «повестях», занимающих центральное место в книге. Мы укажем кратко на их дополнимость с образами «гор». Мотивный анализ, связанный с темой произведения, позволяет обнаружить семантическую насыщенность текста. Трилогия Титова, отмеченная выше, получило свое название от иранской горы «Бехистунг». В «Маленьких повестях...» неоднократно упоминается, в том числе, и гора Абдал-Забазул. Герои высказывают свое негодование против руководства армии, не подготовившего солдатом, а наоборот, отправившего их на скотобойню в незнакомые горы. Мотивный повтор превращает топологическое понятие в символический образ горы, – место, покорение которого означает не только победу над противником в сражении, но также и попытку добыть любовь, семьи,

нормальной мирской жизни. Эту двойственность смысла подчеркивают определения, которые объясняются и употребляются в двух контекстах. Приведем пример. Слово «налет» в третьей «повести» это – нападение в военной терминологии (здесь на гору), и сближение – в гражданской жизни. Поиски героями взаимных чувств становятся не только наравне, но возможно, и важнее военных операций, о которых в «повестях» вспоминается. Покорение горы, маркирующей чужое пространство и трудное задание, обращает внимание и на другие составляющие природы (лес, река, ущелье). Наблюдение за заоконными «Змеиными горами» и «своим» деревом в первой «повести» (рослой липой перед высоким домом) сопровождается с чувством одиночества героя и отсылает к роману-эпопее Толстого (см. образ дуба). Саша теряет свою жену и дочку во время боевых действий в Чечне. Христианское толкование любви к ближнему не может помочь ему в горе. У военного не получается установить новые отношения и с молодой женщиной – им одолевает insult.

Обретение дома как очага, а также «змеи/горы» другим героем в последней «повести» книги становится символом настоящей гармонии и жизни. Здесь связь матери со своим ребенком также не осмысливается в духе христианской традиции: героиня окажется «гюрзой», которую только переодетые в гражданскую форму солдаты могут умиротворить и сделать более благосклонной к герою. Женщина отчуждает от себя агрессивностью, но уставший от боев мужчина воспринимает ее как мир, частью которого (т. е. полноценным человеком) он может стать только соединившись с ней и ее сыном в новой семье. Титовский герой, упомянутый в первой «повести» как товарищ Че, использующий там ненормативную лексику и тренирующий черного кота, в последней «повести» выступает как герой-рассказчик, который противостоит судьбе за установление мира в жизни и побеждает в этом поединке.

Последняя история построена как окончательное возвращение Одиссея-героя с войны в поисках и нахождении нового сына-«шолдата» и новой жены-«гюрзы», благодаря освоению им гражданской жизни. Разрушенные семейные связи восстанавливаются, хаос превращается в космос, мир отрицает войну. В этом плане здесь также наблюдаются явные параллели как с эпосом Гомера, так и с романом Толстого. Герой войны действительно становится как героем жизни, так и героем «повести». Он становится настоящим отцом-«боженькой» с медалями, заслуженными не только на войне и в кругу своих солдат-«сыновей», но и в мире. Он будет воспитать нового сына-«крепыша» в этом же духе. В поезде мальчик еще только залезает на верхние полки и не поднимает брошенную им медаль. Дома, в городе «Северном», как предполагается, он уже научится вести себя, под воспитанием своего «новообращенного» отца. Христианское мировоззрение соединяется с толстовским взглядом на мир. С «боевого» юга русские должны вернуться на «трудовой» север как в буквальном, так и переносном смысле. В этом же заключается титовское толкование войны и мира. По крайней мере, загадочная последняя фраза книги это дает нам понять. Универсальность тематики книги Титова заключается в том, что его «повести» содержат очень типичные эпизоды жизни и смерти. И, так как многие вопросы никогда не решаются мирным путем, военная проза Титова наверное будет получать свое развитие.